

УДК 392.6-055.1

Мария Григорьевна Соколовская*ст. преподаватель каф. политологии и социологии**Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Maryia Sokolovskaya***Senior Lecturer of Department for Political Science and Sociology**of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: lllogos@list.ru***МАСКУЛИННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН:
СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Исследуются содержательные характеристики маскулинности, ее противоречивость и исторические трансформации. Подчеркивается каузальная связь с господствующими историко-культурными системами, а также: а) признается ее множественность, плюралистичность, вариативность; б) указывается на наличие иерархий в системе конструкторов маскулинностей; в) наблюдается противопоставление маскулинности феминности; г) осуществляется соотношение гегемонной маскулинности с ее другими моделями; е) указывается на институциональное, культурное и коммуникативное воспроизводство и конструирование маскулинности. Констатируется ее кризис в современном обществе и определяются его основные проявления, вызванные парадигмой «гендерно-ролевого напряжения», приводящей к драматическим последствиям в жизни многих мужчин. Эмпирически доказывается, что в современном белорусском обществе наблюдается диссонанс в восприятии маскулинности среди мужчин и женщин. Теоретически обосновываются ее новые критерии.

Ключевые слова: *гендер, гендерное неравенство, феминность, маскулинность, сексизм.*

Masculinity as a Social Phenomenon: Content and Main Trends

The article examines the substantive characteristics of masculinity, its inconsistency and historical transformations. Is underlined causal link with dominant historical and cultural systems, as well as: a) acknowledged multiplicity, variability, pluralism of masculinity; b) indicated on the presence of hierarchies in the system of masculine constructs; c) observed opposition of masculinity to femininity; d) realised correlation of hegemonic masculinity towards its other models; e) indicated on institutional, cultural and communicative reproduction and construction of masculinity. Is pointed out its crisis in modern society and are defined its main manifestations caused by the paradigm of «gender-role tension», which leads to dramatic consequences in the lives of men. It is empirically proved that in modern Belarusian society exists dissonance in the perception of masculinity among men and women. Its new criteria are theoretically specified.

Key words: *gender, gender inequality, femininity, masculinity, sexism.*

Введение

Традиционно гендерная социология фокусировала свое внимание на женщинах как социально уязвимой группе, призванной стать «агентами перемен», поскольку они обладают огромным, зачастую неиспользуемым или недооцененным потенциалом для развития общества, способны совмещать семейную жизнь с активной вовлеченностью в профессиональную деятельность. Само мужское сообщество находилось на периферии интереса исследователей, т. к. его интересы выступали производными от патриархальной традиции, принципиальные характеристики которой были определены в глубокой древности.

Масштабное переосмысление и переформулирование гендерных ролей в XX в.

пробудили научный интерес к чисто мужской тематике в силу необходимости заново прочесть и осознать социальную миссию мужчин. Как отмечают российские социологи Е. А. Здравомыслова и А. А. Тёмкина, «причинами растущего интереса к исследованиям разнообразия и иерархии мужского опыта являются глобальные трансформации гендерного порядка, возрастающая общественная рефлексия в отношении гендерных границ и норм сексуальной жизни, явное противостояние патриархальных и эгалитарных гендерных идеологий. В последние десятилетия XX – начале XXI в. на глобальной сцене происходят изменения нормативных моделей и поведенческих паттернов маскулинности и феминности» [1, с. 51]. В результате этого интереса в 70-е гг. XX

столетия в мировой социологии и психологии появились специфически мужские исследования, имеющие своим предметом маскулинность как атрибут мужчины. В английском языке это научное направление получило названия «critical men's studies», «studies in men and masculinities», «masculinities theory».

Несмотря на растущее число научных работ по этой проблематике, все еще требуется уточнение содержания понятия «маскулинность», определение совокупности факторов, которые формируют в различных социумах и историко-культурных системах ее качественные характеристики. Специального анализа требует также усиливающийся в современном обществе кризис традиционной маскулинности, что является **целью** данной статьи.

Понятие маскулинности

Маскулинность как социальный феномен должна рассматриваться за рамками психологии мужчины, которая, как подчеркивает российский психолог Т. В. Бендас, делает свои первые шаги и изучает только те особенности психики, которых нет у женщин, а также исследует модели поведения в чисто мужских профессиях группах (сообществах), а также мужские группы, куда женщины не допускаются [2, с. 40]. Понимание в качестве первого аналитического шага требует определения содержания дефиниции «гендер» и ее соотношения с понятием «пол».

Современный американский социолог М. Киммель констатирует, что в настоящее время практически все исследователи «используют термин “гендер” совершенно другим способом, нежели понятие “пол”». “Пол” относится к биологическому, химическому и анатомическому инструментарию, а “гендер” – к значениям, которые создают различия в конкретной культурной системе. “Пол” может быть мужским или женским; “гендер” же свидетельствует о мужественности и женственности» [3, с. 20]. Белорусские исследователи И. Р. Чикалова и Е. И. Янчук убеждены, что «не пол, но гендер обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, профессии и занятия мужчин и женщин... Мужчины и женщины являются

культурными продуктами своих обществ» [4, с. 227].

Для изучения феномена маскулинности важное теоретическое значение имеют, по утверждению Л. Э. Семеновой, идеи выдающегося психолога Л. С. Выготского о «ведущей роли исторически развивающейся человеческой культуры в становлении и функционировании индивидуальной психики», использование которой в гендерных исследованиях позволяет прийти «к логическому утверждению, что: а) гендер культурно-исторически вариативен и изменчив; б) обусловлен образом жизни, ситуацией и динамичен в течение жизни человека; в) зависит от социального статуса индивида, класса, расы, этноса, образования и т. п.; г) содержит элементы индивидуального своеобразия» [5, с. 69–70]. Гендерный подход содержательно призван определить, какие качества индивида являются воплощением маскулинности (мужественности) и феминности (женственности), поскольку собранные психологами, культурологами, социологами и историками описания мужской и женской деятельности содержат свидетельства ее огромной вариативности в различных историко-культурных системах, особенно, относительно фактора дистанции власти (низкая – страны Скандинавии, высокая – мусульманские государства). Более того, историко-сравнительные исследования показали, что представления о типично мужском и типично женском меняются даже в рамках одного и того же общества, порождая доминирующие образы маскулинности и феминности. В этом отношении важным исследовательским потенциалом обладает теория линз гендера американского психолога С. Бем, в которой раскрывается процесс инкультурации индивида, его приобщения к культуре посредством присвоения ряда социокультурных линз – линз гендера.

В социологии принято определять маскулинность как «определенный набор практик и представлений, которые отвечают на вопрос о том, что значит быть правильным мужчиной в данное время и в данном социальном окружении» [6]. Думается, что данное определение нуждается в уточнении. Действительно, в социально стратифицированном обществе каждая социальная группа вырабатывает свои собственные

образцы маскулинности. Однако не менее очевидно и то, что доминирующая в обществе глобальная, интегративная культурная система продуцирует некий универсальный образ мужчины, принижающий все остальные, более локальные и специфичные.

Белорусские ученые И. Р. Чикалова и Е. И. Янчук полагают, что, несмотря на все различия мужского, в этой сфере существуют «некоторые универсалии». Так, «мужское традиционно ассоциируется с инициативностью в отношениях, агрессивностью, с установкой на господство, авантюризмом, авторитаризмом, стремлением к лидерству, рациональностью в мыслях и действиях, монизмом в поведении, стремлением к монологу, вызову и утверждению собственного “Я”, эгоцентризмом и эгоизмом» [4, с. 227]. Существуют и универсальные архетипические образы мужчин (воин, защитник, первопроходец, добытчик, хозяин, герой и др.).

Большинство современных западных психологов и социологов придерживаются мнения, что обладатель традиционной правильной маскулинности должен: а) быть непохожим на женщин и избегать в своей жизни соприкосновения с феминным; б) выступать в социуме победителем и символом успеха; в) стать сильным, независимым и самодостаточным человеком; г) не проявлять слабости, сомнения, эмоциональной чувствительности и открытости; д) не чуждаться агрессии и насилия; е) придерживаться гомофобии; ж) ориентироваться на деперсонализированную (не связанную с отношениями) сексуальность и проявлять сексуальную агрессию.

Подобная модель маскулинности существенным образом проистекает из теории пола австрийского мыслителя О. Вейнингера, который, исходя из убеждения о присутствии мужского и женского в разных пропорциях в каждом отдельном человеке, обозначает мужское начало в качестве наступающего, активного, имеющего кроме сексуальности еще другие интересы, обладающего чувством собственного «я», нуждающегося в вечном и бесконечном, выступающего носителем сознания, логики, этических и эстетических принципов [7]. В конечном счете маскулинность проявляется в доминирующих в конкретном обществе ме-

дийных, символических и идеологических образах.

Современные теоретико-методологические принципы анализа маскулинности основаны на: а) признании множественности, плюралистичности маскулинности; б) ее содержательной вариативности в историческом и социокультурном контекстах; в) наличии иерархий в конкретных феноменах маскулинности; г) противопоставлении маскулинности феминности; д) обязательном соотношении гегемонной маскулинности с другими ее моделями; е) институциональном, культурном и коммуникативном воспроизводстве и конструировании маскулинности.

Определенные исторические эпохи формируют свои специфические образы маскулинности. В науке получили широкое распространение некоторые из них, разработанные американским историком Б. Клементс. Она доказывает, что в Европе в течение последних тысячелетий последовательно господствовали: а) военно-гражданская модель античной Греции; б) патриархальная иудео-христианская модель; в) феодальная модель, основанная на кодексе чести и покровительстве; г) протестантская модель буржуазной рациональности [цит. по: 8, с. 98].

В первой (античной) модели доминантной маскулинностью является образ **воина-гражданина**, который является носителем таких общественно одобряемых качеств, как мудрость, рассудительность (способность контролировать свой чувственный мир), агональный дух (мужество) и справедливость (умение действовать в соответствии со своим природным призванием).

Вторая модель, укорененная в патриархальные конструкты и христианское вероучение, представлена образом **отца патриархальной семьи** и устанавливает безусловное главенство мужчин в семье и обществе, а также иерархическое различие между полами: «Жены, покоряйтесь мужьям вашим, как Господу, ибо муж – глава над женой своей, как Христос – глава церкви» [Еф. 5: 22]. Подобный взгляд основан не на пренебрежении женщиной, хотя существовало и такое толкование, а на изначальном призвании того факта, что именно мужчина должен брать на себя **ответственность** за семью, жизнь своей женщины и государство. В отличие от античности эта

модель осуждает гомосексуальные связи и отношения. С точки зрения христианского мыслителя О. Анделина, настоящий мужчина должен быть создан «из стали и бархата» и, черпая свои смыслы и силы из Священного Писания: а) являться лидером в семье и на работе, б) выступать созидателем общественных отношений, в) отвечать за духовное, душевное и материальное благополучие семьи, г) обладать уверенностью, мужеством и силой духа, д) выступать защитником для близких и окружающих, е) находиться в хорошей физической форме [9, с. 31].

Модель маскулинности средневекового общества рождает идеальный образ **мужчины-рыцаря**, который, являясь воином, христианином и политиком, в дополнение к ним включает два компонента, имеющих принципиальное значение для проявления подлинно мужских качеств – кодекс чести и любовь к Прекрасной Даме. Последний аспект усиливает в нем феминный компонент, способствуя формированию подчиненного типа маскулинности, проявляющийся, правда, на личностном уровне, локально и очагово.

В свою очередь, протестантская модель, также производная от христианской традиции, поступательно формирует образ **мужчины-партнера**, поскольку принцип рациональности, преобладающий в трудовой деятельности и семейных отношениях, настоятельно требует искать не доминирования, а взаимопонимания и взаимодополнения обоих полов. На этот процесс существенным образом влияет трансформация культурных и экономических факторов, технологического уклада общества. Белорусский социолог Ю. Бубнов, в частности, подчеркивает, что «новые требования на рынке труда стали стремительно разрушать традиционные образы так называемых “настоящих мужчин” и “настоящих женщин”, сформированные в средневековую доиндустриальную эпоху. Практически с зари XX в. начался процесс массовой нивелировки социальных статусов индивидов с различной половой принадлежностью» [10, с. 109]. На этот же тренд указывает М. Киммель, убежденный, что демократизация политических процессов, секуляризация и урбанизация общества, повышение уровня образования и политической культуры привели к то-

му, что в конце XVIII – начале XIX в. возник новый образ мужественности – **героический ремесленник**, т. е. мужчина, в равной степени активный и ответственный как на трудовом, так и на политическом поприще. Эти процессы в конечном счете способствовали тому, что, как полагает американский исследователь Э. Гоффман, в настоящее время «в США существует только один тип мужчины, которому абсолютно нечего стыдиться: молодой, женатый, белый, проживающий в городе, гетеросексуальный, рожденный протестантом, имеющий высшее образование и хорошее рабочее место, обладатель соответствующих внешности, веса и роста, который может похвастаться недавними спортивными достижениями. Каждый мужчина, который не соответствует в чем-то этим ожиданиям, может воспринимать себя, по крайней мере, в определенные моменты, как ущербного, неполноценного и недостойного» [11, с. 171].

В России XX в. обычно выделяют советскую и постсоветские модели маскулинности. Российский социолог И. Тартаковская доказывает, что советский тип мужественности складывался под сильным влиянием гипермаскулинного милитаризованного государства, которое было направлено на то, чтобы мужчина в полной мере мог самореализоваться только «на службе Родине» и основополагающим свойством «настоящего мужчины» должна быть постоянная готовность отдать жизнь за свою страну либо за поддерживаемые официальной идеологией ценности. При подобных «требований» эталоном мужчины провозглашался офицер либо «ударник производства». Разумеется, семейные обязанности обладали для них периферийным значением.

Российские социологи и психологи фиксируют общность позиций по поводу определения надлежащей, эталонной маскулинности в постсоветской России. Они фиксируют новые критерии мужественности, основополагающим из которых признается социальный успех, достигнутый уже не только в конкуренции с мужчинами, но и с женщинами, которые получили новые возможности для профессиональной, экономической и политической самореализации. При этом «новая мужественность» сохраняет образы добытчика, защитника и гетеросексуального партнера. И. Н. Димура, на-

пример, указывает на смену гендерных ориентиров в современном российском обществе, ссылаясь на результаты проведенного им психологического исследования. Он утверждает, что типичная дихотомия «мужское – женское», где мужчина, силен, активен, агрессивен, а женщина покорна, чадолюбива и соглашательна, в современном обществе интенсивно разрушается. Он приходит к выводу, что противовесом «мачистской» направленности выступает направленность «метросексуальная», т. к. «опрошенные мужчины по большей части считают, что мужчина всегда должен хорошо выглядеть и быть сексуально привлекательным, и не признают, что в сексуальном взаимодействии мужчины должны выступать инициаторами, а женщины – демонстрировать пассивность. 57,4 % из них отказываются признать, что настоящий мужчина не должен показывать свои чувства». 73,9 % респондентов ожидаемо ассоциируют с подлинно мужским началом агрессивные, энергичные, силовые качества, но одновременно около 40 % из них регулярно испытывают сомнения в собственной мужественности, а «забота, опека, защита» репрезентируются как мужские качества у 56,7 % опрошенных [12, с. 174–175].

В свою очередь, российские исследователи Е. С. Пышкина и Е. В. Зиновьева, изучая у молодых мужчин и женщин эмоционально-оценочный компоненты телесного образа «Я» с помощью опросника «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» в адаптации О. Г. Лопуховой, пришли к заключению, что «анализ результатов гендерной идентичности испытуемых подтверждает тренд на размывание границ между мужским и женским в современном обществе. Для большинства респондентов характерен андрогинный тип идентичности. Это можно объяснить тем, что андрогинность, умение проявлять в поведении как женские, так и мужские качества, позволяет молодым людям быть более адаптивными и гибкими в выборе вероятного типа поведения». В частности, «обработка полученных результатов позволяет утверждать, что молодые мужчины и женщины одинаково ориентированы на внешность. При этом удовлетворенность параметрами тела не имеет существенных различий» [13, с. 102, 104]. Подобный подход

является «российским отражением» концепции гендерной идентичности С. Бем, согласно которой в гендерном отношении индивидов можно относить к одному из трех типов: 1) преобладание фемининных характеристик; 2) доминирование маскулинных характеристик; 3) утверждение «андрогинного» типа, у которого наблюдался баланс маскулинных и фемининных характеристик [14].

Чтобы соответствовать существующему в современном белорусском обществе стереотипу маскулинности, согласно результатам социологических исследований (2000, 2014 гг.), проведенных под руководством автора, настоящий мужчина (по мнению гендерных собратьев) должен быть непременно умным (71,9 %), ответственным (49,1 %), мужественным (48,2 %), умеющим зарабатывать деньги (37,7 %) и т. д.

Но в представлении женщин, все эти качества как раз в наименьшей степени присущи белорусским мужчинам. По убеждению прекрасной половины человечества, для них самих наибольшей ценностью у мужчины обладают качества, ориентированные на гармонизацию отношений: мужчина должен быть безусловно «верным и преданным», «заботливым и нежным». В реальности в наибольшей же степени им характерны сексуальная активность (43,1 %), амбициозность (40,1 %), умение починить домашнюю технику (37,0 %), физическая сила (26,7 %). Это и неудивительно, т. к. такой перечень соответствует полоролевым стереотипам, принятым в белорусской гендерной культуре. Новые же ролевые нормы, которые хотели бы видеть в мужчинах женщины, более ориентированы на эмоции, чувства, а они, как правило, входят в «репертуар» женских моделей поведения [15; 16].

В постиндустриальном обществе идея дихотомизма маскулинных и феминных черт (по принципу «или – или») уступила место идее континуума маскулинно-феминных качеств, что позволило женщинам наравне с мужчинами занять в обществе важные социально-политические позиции. Действительно, для того чтобы обеспечить гендерное равенство и усилить конструктивный потенциал общества, необходимо, чтобы мужчины и женщины могли пересекать границу социальных (и гендерных) ролей, которые им предписаны традицией и культурой.

Существует немалая группа женщин, для которой принципиальное значение имеет способность мужчины быть «сапиосексуалом», т. е. «человеком умным и рассудительным», поскольку для них самая «эрогенная зона» находится в мозге мужчины, его интеллекте, в способности конструктивно и ответственно мыслить, формировать чувство эмоциональной и психологической близости.

В последние два десятилетия появились радикальные маскулинные концепции, которые не противопоставляют мужское женскому, а игнорируют женщин как таковых, критикуя при этом патриархат и гегемонную маскулинную культуру как систему навязывания мужчинам жестких гендерных ролей и предлагая им выстраивать «свой параллельный мир, соответствующий их ценностям и ожиданиям» [17, с. 54]. При более детальном рассмотрении подобных концепций можно утверждать, что активное распространение указанных идей может вести к разрушению гендерного порядка в обществе.

Кризис маскулинности в современном обществе

Российский исследователь И. Н. Димура отмечает, что многие «ученые фиксируют “кризис маскулинности”, характеризующийся невозможностью соответствовать классическим социальным образцам традиционной мужественности, вредными привычками, несчастными случаями, высокой подверженностью заболеваниям, депрессивными настроениями и самоубийствами мужчин» [12, с. 168]. Причины этого, согласно серии социально-психологических исследований, коренятся не в мужской психофизиологии и особенностях индивидуального развития «сильной половины человечества», а в противоречивости нормативного канона маскулинности, ориентированного на оправдание и поддержание мужской гегемонии. Один из выходов из этого положения состоит в трансформации образа гегемонной маскулинности в направлении усиления в нем андрогинных начал.

В современном обществе стереотип маскулинности изменился: традиционно, как известно, в него входили физическая сила, подавление нежности и заботы, функциональное отношение к женщине и одно-

временно несдержанность в выражении гнева и страсти. Портрет настоящего мужчины XXI в. другой: интеллект ценится выше физической силы, в отношениях с женщиной допускается проявление нежности и душевной тонкости, приветствуется обуздание «грубых» чувств, хотя у менее образованных людей стереотип маскулинности остается традиционным. Этот синдром получил название «кризиса маскулинности».

Один из первых американских исследователей маскулинности Х. Колдберг убежден, что традиционная маскулинность является в большей степени психологически защитным действием, нежели естественным и органическим процессом. Мужская психологическая энергия часто используется для того, чтобы защищаться «против» чего-либо, нежели выражать то, что в действительности есть и кем мужчина является либо хочет стать. Например, усилия многих мужчин направлены на то, чтобы доказать, что они не феминные, не зависимые, не эмоциональные, не пассивные, не знающие страха, не беспомощные, не потерянные, не неудачники, не импотенты... Подобные установки ограничивают возможности их выбора и степень человеческой свободы, что может приводить к драматическим и трагическим последствиям.

Постоянные попытки мужчины подтвердить свой статус усиливают его психологическое напряжение, поскольку подобное стремление далеко не всегда заканчивается успешно. Для некоторых персон один из наиболее простых способов доказать, что «я мужчина» – это насилие как над женщинами, так и над другими мужчинами. Многие исследования показывают непреднамеренные последствия гегемонной маскулинности и обозначают «цену», которую платят конкретные мужчины за следование ее предписаниям. Осознавая остроту ситуации, Дж. Плек дополнил теорию маскулинности парадигмой «гендерно-ролевого напряжения». Он полагает, что большинство мужчин разделяют усвоенные с детства поведенческие стандарты гегемонной маскулинности, многие из которых поощряют нездоровое поведение (пьянство, агрессию, неоправданный риск), ориентация на которые может вызывать у мужчин «дисфункциональное напряжение». Те мужчины, которые отклоняются от традиционных ген-

дерных норм, часто подвергаются остракизму и испытывают чувство стыда или «травматическое напряжение». Белорусский культуролог Ю. Чернявская подчеркивает: «Смерть быстрее выкашивает мужчин. Тому есть не только физиологические, но и психологические причины. Например, установка “мальчики не плачут”. Она разрушает человеческую спонтанность, лишает права на яркое выражение чувств, формирует закрытого, закомплексованного человека, который всю жизнь чувствует себя самозванцем. Он должен быть сильным, а ведь он знает, что внутри он – другой» [18].

По утверждению Е. Г. Луковицкой, у мужчин наблюдается сочетание власти и страха, «причем власть их уменьшается, а страх увеличивается “благодаря” во многом: 1) рекламе гипермаскулинности и гиперсексуальности в средствах массовой информации; 2) неумению многих мужчин реализовать себя в семье; 3) уменьшению определенности в обществе в отношении гендерных ролей... Это приводит к внутреннему конфликту и часто ведет к таким стратегиям поведения, как насилие, уход (пьянство, наркомания), философствование и рационализация, апатия, депрессия» [19, с. 27]. Действительно, в современном обществе успешный мужчина в глазах многих людей должен быть внешне привлекательным и физически сильным, иметь доступ к материальным богатствам, обладать хорошей машиной и молодой девушкой модельной внешности. Но одновременно очевидно, что даже по объективным обстоятельствам социальный успех – это прерогатива меньшинства.

Традиционно мужские качества ориентированы на контроль эмоций, чувств, общества, других людей, а женские качества – на установление взаимоотношений с окружающими людьми и их гармонизации. Во многих современных обществах, особенно в медийном контексте, широко распространенным является образ «мачо», который на жизненной сцене презентует себя как активный, физически сильный, привлекательный и агрессивный мужчина, думающий исключительно о победах над женщинами в сексуальных интерьерах, а не о построении с ними гармоничных отношений. Он зачастую является «эмоциональным кретином», неспособным к сопереживанию,

нежности и заботе, что существенно ограничивает его мужской потенциал, поскольку в современном социуме существует большой спрос на близкие отношения, эмоциональные сопереживания и интимность.

Новые социально-культурные обстоятельства, производные из эпохи постмодерна, размывают доминировавшие ранее образцы гегемонной маскулинности. В науке все чаще используется понятие «*несостоявшаяся маскулинность*», не имеющее четкого концептуального определения, но, с одной стороны, говорящее о том, что сам мужчина индивидуально определяет свою собственную маскулинность, а с другой – указывающее на то, что ее прежние традиционные модели в социуме являются маргинальными.

Гегемонная маскулинность утрачивает свое значение, уступая место другим типам маскулинности. Наиболее распространенной является маскулинность *компромиссная (соучаствующая)*, представленная в поведении тех мужчин, которые не прилагают усилий, чтобы занять доминирующую позицию из-за дефицита мотивации, жизненных сил или характера. В гендерных иерархиях и практиках они обречены на второстепенную роль, но при этом пользуются ее преимуществами.

В свою очередь, *субординированная, подчиненная* маскулинность характеризует мужчин, которые в конкретном обществе находятся на самой низшей части гендерной иерархии (например, гомосексуалистов или представителей низших сословий).

В *маргинализированной* маскулинности «ставится под вопрос» маскулинность некоторых групп мужчин, социальный статус которых зависит от их принятия и одобрения членами мужского сообщества, персонифицирующих идеальный образец маскулинности. Эту группу составляют представители стигматизированных социальных групп – мигранты первого поколения в европейских государствах, представители некоторых национальных меньшинств. В вербальном дискурсе они маркируются как недостаточно мужественные.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что по причине укорененности феномена маскулинности в доминирующие

в обществе социокультурные коды и образцы, трансформация ценностей в эпоху позднего модерна и постмодерна неизбежно приводит к новому прочтению маскулинности, как это происходило и в предыдущие исторические эпохи в различных интегральных культурных системах. В современном обществе эти процессы обострили проблемы маскулинности, что требует для их решения принятия компетентных государственных решений.

Социологические и психологические исследования «мужской проблематики» указывают на неуклонное и последовательное усиление андрогинности в гендерной идентичности мужчин и женщин. С наибольшей силой оно представлено в сфере сексуальных отношений, отношений к своему телу, мира моды и в социально-политических практиках. Происходит своеобразное «размывание» гегемонной идентичности и одновременно получают широкое распространение новые типы маскулинности: субординированная, маргинализованная и компромиссная. Разработанные социальной наукой теоретико-методологические принципы анализа маскулинности основаны на

признании ее множественности, плюралистичности.

Все большее число социальных фактов свидетельствует о «кризисе маскулинности» в социуме, приводящем к драматическим и трагическим последствиям в жизни многих мужчин: они не могут «вписаться» в традиционные образцы мужественности. Растет количество мужчин, которых можно отнести к «несостоявшемуся» типу маскулинности.

В современном белорусском обществе наблюдается диссонанс в восприятии маскулинности среди мужчин и женщин, поскольку в представлении последних для них наибольшей ценностью обладают качества, ориентированные на гармонизацию отношений, в то время как первые отдают предпочтение традиционным энергичным началам, которым часто не в состоянии следовать.

Постиндустриальному обществу имманентно присуще «гендерно-ролевое напряжение», связанное с невозможностью для многих мужчин соответствовать поведенческим стандартам гегемонной маскулинности, что неизбежно вызывает у них дисфункциональное напряжение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Здравомыслова, Е. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина // Мониторинг обществ. мнения. Экон. и соц. перемены. – 2018. – № 6. – С. 48–73.
2. Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. – СПб. : Питер, 2007. – 431 с.
3. Kimmel, M. Społeczeństwo genderowe / M. Kimmel. – Gdańsk : Wydaw. Univ. Gdańskiego. – 2015. – 551 s.
4. Чикалова, И. Р. Гендер / И. Р. Чикалова, Е. И. Янчук // Новейший филос. словарь. – Минск : Книж. Дом, 2003. – С. 227–228.
5. Семёнова, Л. Э. Гендерный подход в контексте культурно-исторической психологии Л. С. Выготского / Л. Э. Семёнова // Культур.-ист. психология. – 2008. – № 2. – С. 69–73.
6. Тартаковская, И. Гендер для чайников – что такое маскулинность [Электронный ресурс] / И. Тартаковская. – Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/specials/11112-gender-dlya-chaynikov-cto-takoe-maskulinnost>. – Дата доступа: 12.01.2021.
7. Вейнингер, О. Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротике / О. Вейнингер. – М. : Акад. проект, 2012. – 392 с.
8. Ушакин, С. Познавая в сравнении: о евростандартах, мужчинах и истории / С. Ушакин // Интер. – 2004. – № 2–3. – С. 97–105.
9. Анделин, О. Мужчина из стали и бархата / О. Анделин. – СПб. : Христ. миссия, 2015. – 400 с.
10. Бубнов, Ю. М. Социальные образы мужчины и женщины / Ю. М. Бубнов // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2014. – № 2. – С. 101–113.
11. Goffman, E. Piętno. Rozważnia o zranionej tożsamości / E. Goffman. – Gdańsk : Wydaw. Psychologiczne, 2007. – 371 s.

12. Димура, И. Н. Мужская телесность глазами мужчин / И. Н. Димура // Вестн. Акад. рус. балета им. А. Я. Вагановой. – 2015. – № 4 (39). – С. 167–176.
13. Пышкина, Е. С. Телесный образ Я и гендерная идентичность молодежи / Е. С. Пышкина, Е. В. Зиновьева // Вестн. науки и образования. – 2019. – № 9 (63), ч. 1. – С. 101–105.
14. Bem, S. L. The measurement of psychological androgyny / S. L. Bem // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 1974. – Nr 42. – P. 155–162.
15. Соколовская, М. Г. Мужчина и женщина в контексте современной белорусской действительности / М. Г. Соколовская // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2015. – № 2. – С. 117–125.
16. Соколовская, М. Г. Определение мужчины: женский взгляд / М. Г. Соколовская // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. – 2015. – № 6. – С. 92–96.
17. Столяров, Д. В. «Мужчины, идущие своим путем»: радикальная гендерная концепция, направленная на борьбу с дискриминацией мужчин (на примере социального движения MGTOW) / Д. В. Столяров // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2018. – № 1. – С. 51–59.
18. Чернявская, Ю. Личные истории. Интервью / Ю. Чернявская // Нар. воля. – 2014. – 18 нояб.
19. Луковицкая, Е. Г. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие / Е. Г. Луковицкая. – Великий Новгород : НГУ, 2003. – 127 с.

REFERENCES

1. Zdravomyslova, Ye. A. Chto takoe «maskulinnost'»? Poniatiynyje otmychki kritichieskikh issledovanij muzhchin i maskulinnostiej / Ye. A. Zdravomyslova, A. A. Tiomkina // Monitoring obshchestv. mnienija. Ekon. i soc. pieriemieny. – 2018. – № 6. – S. 48–73.
2. Bendas, T. V. Giendernaja psikhologija / T. V. Bendas. – SPb : Piter, 2007. – 431 s
3. Kimmel, M. Społeczeństwo genderowe / M. Kimmel. – Gdańsk : Wydaw. Univ. Gdańskiego. – 2015. – 551 s.
4. Chikalova, I. R. Giender / I. R. Chikalova, Ye. I. Yanchuk // Noviejshij filosofskij slovar'. – Minsk : Knizh. Dom, 2003. – S. 227–228.
5. Siemienova, L. E. Giendernyj podkhod v kontiektstie kul'turno-istorichieskoj psikhologii L. S. Vygotskogo / L. E. Siemienova // Kul'tur.-ist. psikhologija. – 2008. – № 2. – S. 69–73.
6. Tartakovskaja, I. Giender dla chajnikov – chto takoe maskulinnost' [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.colta.ru/articles/specials/11112-gender-dlya-chajnikov-chto-takoe-maskulinnost>. – Data dostupa: 12.01.2021.
7. Vejningier, O. Pol i kharakter. Muzhchina i zhenshchina v mire strastiej i erotiki / O. Vejningier. – M. : Akad. projekt, 2012. – 392 s.
8. Ushakin, S. Poznavaja v sravnenii: o jevrostandartakh, muzhchinakh i istorii / S. Ushakin // Inter. – 2004. – № 2–3. – S. 97–105.
9. Andelin, O. Muzhchina iz stali i barkhata / O. Andelin. – SPb. : Christ. missija, 2015. – 400 s.
10. Bubnov, Yu. M. Social'nye obrazy muzhchiny i zhenshchiny / Yu. M. Bubnov // Viesn. Brest. un-ta. Ser. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2014. – № 2. – S. 101–113.
11. Goffman, E. Piętno. Rozważnia o zranionej tożsamości / E. Goffman. – Gdańsk : Wydaw. Psychologiczne, 2007. – 371 s.
12. Dimura, I. N. Muzhskaja tieliesnost' glazami muzhchin / I. N. Dimura // Vestn. Akad. rus. balieta im. A. Ya. Vaganovoj. – 2015. – № 4 (39). – S. 167–176.
13. Pyshkina, Ye. S. Tieliesnyj obraz Ya i giendernaja identichnost' molodiozhi / Ye. S. Pyshkina, Ye. B. Zinovjeva // Vestn. nauki i obrazovanija. – 2019. – № 9 (63). – S. 101–105.
14. Bem, S. L. The measurement of psychological androgyny / S. L. Bem // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 1974. – Nr 42. – P. 155–162.
15. Sokolovskaja, M. G. Muzhchina i zhenshchina v kontiektstie sovriemiennoj bieloruskoj diejstvitiel'nosti / M. G. Sokolovskaja // Viesn. Brest. un-ta. Ser. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2015. – № 2. – S. 117–125.

-
16. Sokolovskaja, M. G. Opriedielienije mužhchiny: zhenskij vzgliaad / M. G. Sokolovskaja // Viestn. Brest. gos. tekhn. un-ta. – 2015. – № 6. – 92–96.
17. Stoliarov, D. V. «Mužhchiny, idushchije svojim putiom»: radikal'naja giendernaja koncepcija, napravliennaja na bor'bu s diskriminaciej mužhchin (na primierie social'nogo dvizhenija MGTOW) / D. V. Stoliarov // Viesn. Brest. un-ta. Ser. 1, Filosofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2018. – № 1. – S. 51–59.
18. Chierniavskaja, Yu. Lichnyje istorii. Intervju / Yu. Chierniavskaja // Nar. volia. – 2014. – 18 nojab.
19. Lukovickaja, Ye. G. Vviedienije v giendernyje issliedovanija : uchieb. posobie / Ye. G. Lukovickaja // Velikij Novgorod : NGU, 2003. – 127 s.

Рукапіс наступіў у рэдацыю 03.02.2021